
Т. В. ПАНФИЛОВА

**НЕВЕСЕЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПО ПОВОДУ ПРОЯВЛЕНИЙ
ПОСТМОДЕРНИЗМА В НАШЕЙ ЖИЗНИ**

В статье выражается согласие с критической оценкой постмодернизма, представленной в книге М. О. Мнацаканяна «Постмодернизм», но более подробно рассматриваются его проявления в жизни России. Признавая широкую распространенность постмодернистских проявлений как в науке, так и в обыденной жизни, автор статьи ставит под сомнение правомерность говорить о «моде» на постмодернизм. Подчеркивается, что постмодернистский способ мышления – при всей теоретической несостоятельности – целенаправленно внедряется в нашу повседневную жизнь с помощью СМИ и через систему образования. Влияние постмодернизма усматривается в пренебрежении историзмом, отказе от культурных традиций, извращенных представлениях о нациях, в размывании представлений о классовой структуре общества с помощью понятия «креативный класс». Постмодернистское мышление содействует консервации нынешнего положения России в качестве сырьевого придатка мировых держав.

Ключевые слова: *постмодернизм, социальные и гносеологические корни, фрагментация знания, мода, мозаичность сознания, историзм, культурные традиции, нации, многонациональный народ России, «креативный класс».*

The article supports criticism to postmodernism expressed in Mkrtych Mnatsakanyan's book "Postmodernism" as well as considers in more detail the manifestations of postmodernism in everyday life in Russia. Although recognizing postmodernism as wide-spread both in science and in everyday life the author still doubts that postmodernism is in fashion. It is emphasized that the postmodernist way of thinking although untenable in theoretical terms, nevertheless is intruded purposefully into our everyday life with the help of mass-media and the reformed education system. The influence of postmodernism becomes apparent in the disregard of historicism, in the rejection of cultural traditions, in eroding of the notion of the social class structure by of the idea of

Философия и общество, № 1 2017 48–60

the so called creative class. The postmodernist way of thinking supports the present status of Russia as the world powers' raw materials appendage.

Keywords: *postmodernism, social and epistemological roots, fragmentariness of knowledge, fashion, mosaic consciousness, historicism, cultural traditions, nations, multinational people of Russia, "creative class".*

Предлагаемые читателю размышления навеяны книгой М. О. Мнацаканяна «Постмодернизм», вышедшей в свет в 2015 г. Однако это не рецензия. Речь пойдет о проблемах современной России, затронутых в книге, но, по мнению автора настоящих строк, либо заслуживающих дополнительных комментариев, либо требующих более определенных оценок, чем это получилось у автора «Постмодернизма». Дело в том, что, хотя книга снабжена подзаголовком «Происхождение, природа и место в современной социологии», автор не ограничивается «социологическим постмодернизмом», а захватывает более широкий круг вопросов, таких как влияние постмодернизма на другие науки помимо социологии; постмодернизм как явление культуры; социальные и гносеологические корни постмодернизма; постмодернистское отношение к ценностям и многие другие, чрезвычайно расширяющие видение проблемы. Тем самым книга интересна не только специалистам в области социологии, но и представителям других общественных наук и – что не менее важно – людям, озабоченным нынешним состоянием умов как в России, так и во всем мире, безотносительно к профессии читателя. Такой результат – безусловная удача профессора Мнацаканяна. Книга информирует читателя о малоизвестных сторонах постмодернизма и сводит воедино сведения, разбросанные по многочисленным источникам, одновременно побуждая к размышлению над теми особенностями нашей жизни, из которых проистекают постмодернистские «идеи», в свою очередь консервирующие и усугубляющие поразившие их общественные противоречия.

Из сказанного следует, что автор настоящих заметок высоко оценивает книгу профессора Мнацаканяна. Более того, он полностью разделяет остро критический настрой автора книги в отношении постмодернизма. В то же время, как мне представляется, М. О. Мнацаканян несколько недооценивает степень укорененности в нашей жизни постмодернистской манеры мышления, каковая была до-

стигнута путем ее целенаправленного внедрения. Иной раз даже создается впечатление, будто он надеется на то, что теоретической критики достаточно для устранения негативного влияния постмодернизма на некоторые стороны нашей жизни. Можно ли упрекнуть за это автора? Вряд ли это будет справедливо. Автор книги успешно решил проблемы, которые поставил перед собой. Если читатель видит еще какие-то аспекты, недостаточно им разработанные, это проблемы читателя и – по совместительству – комментатора предложенного текста. Именно на такие проблемы хотелось бы обратить особое внимание.

Отмечая распространенность постмодернизма как в науке, так и в повседневной практике, автор книги использует слово «мода» и объясняет ее возникновение следующим образом: «Обывательский подход, поверхностность и малокомпетентность, методологическая малограмотность и другие подобные прелести постмодернистского теоретизирования <...> сделали их продуктами моды» [Мнацаканян 2015: 101]. На мой взгляд, объяснение вполне подходящее, тем более что автор на нем не останавливается, а вскрывает гносеологические корни постмодернизма: «...абсолютизация и выпячивание отдельных частей, свойств, сторон и элементов реальности, <расщепление> знания, <фрагментация> и <мозаикация> как социальной реальности, так и исследовательского процесса» [Там же: 115]. Приведенные положения выводят нас на широко обсуждаемую проблему воздействия средств массовой информации на сознание. Автор книги подчеркивает – со ссылкой на такие авторитеты в социологии, как Ж. Бодрийяр и Э. Гидденс, – разрушительную сущность постмодерна, допускающего отрыв идей от реальности, современности – от прошлого, разбивку процесса познания на отдельные фрагменты, чем порождается «мозаичность» сознания. В России этим вопросам также уделяется большое внимание. Достаточно сослаться, например, на работу В. П. Терина [2000].

Сказанное заставляет усомниться в адекватности слова «мода» применительно к данному случаю, поскольку в моде обычно присутствует элемент стихийности, случайности. Недаром говорят, что мода приходит и уходит. В данном же случае очевидно активное продвижение постмодернистских проявлений в жизнь с помощью СМИ. Иначе говоря, мода на постмодернистские подходы целена-

правленно создается и закрепляется теми, кто владеет СМИ. Но это еще не все. Помимо СМИ я бы выделила нашу систему образования, которая реформируется в духе отказа от фундаментальной науки, научных традиций, последовательного и доказательного мышления. Ибо что представляет собой ЕГЭ, как не разбивку знания на отдельные фрагменты, вырванные из исторического контекста? Стоит ли удивляться тому, что выпускники школ, прошедшие обучение по такому принципу, окажутся падки на постмодернистские уловки? И вовсе не потому, что те в моде, а потому, что молодые люди со школьной скамьи усвоили обывательский подход к образованию, столь характерный для постмодернизма. Они не знают ничего другого, кроме разрозненных фрагментов, и оценивают действительность через призму разорванного сознания.

Пора задаться вопросом, кому это выгодно, – вопросом, на который автор книги отвечает точно и убедительно: «Балаганизация культуры, особенно массовой, шоу-бизнес, перерождение в этом духе телевидения, средств массовой коммуникации и другие явления, связанные с криминализацией, нравственной деградацией и т. д., служат, причем осознанно, целенаправленно, целям политической элиты: отвлечь народ от серьезной политики, идей, оппозиционной деятельности» [Мнацаканян 2015: 231]. Другими словами, правящей верхушке выгодно, чтобы у подрастающего поколения не возникло желания создать целостное представление об устройстве нашего общества и его противоречиях, что неизбежно вылилось бы в попытки его усовершенствовать.

Внедрение постмодернистских веяний в повседневную жизнь через СМИ и систему образования сказывается и на науке. В частности, автор книги усматривает влияние постмодернизма в моде на синергетику в общественном знании, в связи с чем справедливо задается вопросом о применимости (или неприменимости) ее понятий в общественных науках.

Сразу замечу, что полностью согласна с профессором Мнацаканяном в сомнениях по поводу обоснованности использования достижений синергетики в науке об обществе. Автор удачно формулирует свое сомнение в названии одного из параграфов: «Научные понятия и законы развития: оправдан ли их механический (и произвольный) перенос на чужеродные объекты, их предметное

поле?» [Мнацаканян 2015: 110]. Автору настоящих строк неоднократно доводилось высказывать подобные сомнения сторонникам синергетики, с тем чтобы те объяснили, на каком основании осуществляется перенос понятий из одной области знания в другую. Вразумительного ответа я так и не получила.

Соглашаясь с профессором Мнацаканяном в том, что перенос понятий из естественных наук в общественные не обоснован, хотела бы все-таки заметить, что мода на синергетику вызывается не всегда и не только прямым влиянием постмодернистских подходов к исследованию. Нередко ученые пытаются таким образом обосновать положение о целостности мира в противовес засилию постмодернистской фрагментарности. В их интерпретации общество – это не набор не связанных друг с другом частей, а целостная система, являющаяся одним из этапов истории Вселенной. Ни в коей мере не соглашаясь с фактической натурализацией общества, считаю нужным отметить, что здесь мы имеем дело со своеобразной – хотя и несостоятельной – реакцией на широко распространенный в обществоведении постмодернистский отказ от принципа историзма и связанного с ним представления об обществе как о едином целом.

В противовес постмодернизму автор книги подчеркивает, что «только историзм способен четко и ясно обнаружить истинные пружины и механизмы человеческого развития, его главные тенденции и крупные, массовидные общественные потоки, роль народов и государств» [Там же: 176]. Именно поэтому, как убедительно показывает профессор М. О. Мнацаканян, серьезные западные социологи, например Э. Гидденс, подчеркивают необходимость историзма для создания общих теорий. Видимо, потому и навязывается в России мода на постмодернизм, чтобы не дать людям возможности создать теорию, проясняющую природу противоречий нынешнего российского общества. Российские идеологи будут старательно отказываться от конкретно-исторического подхода, да и историзма в целом, тем более что в общественном сознании России историзм ассоциируется в первую очередь с марксизмом, напроочь отвергаемым современной идеологией либерализма. Ссылка на серьезных западных ученых нашим идеологам не указ. Согласно господствующей идеологической линии, Россия встроилась в современный мировой порядок в качестве сырьевого придатка «мировых

игроков», поэтому обречена на роль «дауншифтера». Российским ученым незачем создавать общие теории. Им достаточно разрабатывать представления о том, как эффективнее обслуживать «трубу». Отказ от фундаментальной науки в пользу прикладных исследований, приносящих сиюминутную выгоду, ярко проявился при реформировании РАН.

Пренебрежение историзмом влечет за собой отрицание традиций, каковое подвергнуто в книге справедливой критике. Автор доказывает, что традиция вовсе не означает возвращения к прошлому. Напротив, ее смысл состоит в сохранении основ культуры ради будущей творческой деятельности ее носителей. Культурная традиция помогает передать следующим поколениям накопленный коллективный опыт, веками выработанную систему ценностей и смыслов. Отсутствие подобного транслятора приводит к распаду культуры и ее субъектов-носителей. Сегодня, по свидетельству автора, русская культура переживает кризис, поскольку, с одной стороны, в ней еще живы культурные традиции прошлого, с другой – на нее воздействуют рыночные отношения. «Для выхода из затяжного кризиса, – заявляет автор, – необходимо равновесие между традиционными ценностями и рыночными, чего в реальности не происходит» [Мнацаканян 2015: 291].

Возникает вопрос: равновесия нет потому, что мы чего-то не доделали, или потому, что оно невозможно? Боюсь, что профессор Мнацаканян преувеличил склонность сторонников «рыночных ценностей» к компромиссам. Их лозунг: «Рынок сам все отрегулирует». Наши «рыночники» требуют уступок от всех несогласных, но не намерены что бы то ни было менять в собственной доктрине. Поэтому нам приходится выбирать: либо мы опираемся на традиции, не допуская рыночных отношений в области образования и культуры, либо мы признаем правомерность рынка в духовной сфере, и тогда рассчитывать на равноправие между традиционными и рыночными ценностями не приходится: рынок поглотит все сферы общественного бытия и общественного сознания.

К вопросу о культурных традициях примыкает тема нации и национального сознания, подробно рассмотренная в книге. И неудивительно: эта тема активно обсуждается сторонниками постмодернизма, причем, как показывает автор, и в этом вопросе, как и во

многих других, постмодернисты занимают нигилистическую позицию, игнорируя действительное положение вещей, отрывая частные проявления от их общей основы и в конечном счете искажая действительность. Полностью согласна с убедительной критикой со стороны автора книги в адрес постмодернистов, их антинаучного подхода к вопросу о нациях. Однако не могу не обратиться к некоторым положениям, нуждающимся, на мой взгляд, в комментариях.

Так, рассматривая вопросы национально-государственной организации современного мира, автор книги остановился на конкретно-историческом содержании понятия «суверенитет», подчеркнув, что «*суверенитет – понятие неделимое* – или он есть, или его нет» [Мнацаканян 2015: 171]. Отсюда автор книги делает следующий вывод: «Национальное сознание ни одной человеческой общности не примирится с ущербностью суверенитета своей государственности, подобной половинчатостью ее прав и полномочий» [Там же: 172]. С удовольствием согласилась бы с автором, если бы не нынешнее положение России. Сохраняет ли РФ свой суверенитет, вступив в ВТО, что изначально противоречило интересам развития страны, а ныне – в условиях санкций – особенно заметно препятствует ее развитию? Можно себя утешать тем, что Россия пошла на этот шаг добровольно. Правда, «добровольность» вступления в ВТО оказалась вынужденной из-за реального превращения страны в сырьевой придаток мировой системы хозяйствования, что обеспечило ей положение полукolonии. Формально Россия осталась суверенной страной, тогда как на самом деле она ничего не может сделать ради собственных интересов без оглядки на заокеанских советников. Сходное положение вещей обнаруживается и в сфере финансов: страна лишена возможности самостоятельной денежной эмиссии, а Центробанк, по выражению профессора В. Д. Катасонова, превратился в обменный пункт валют при ФРС США. Формально страна суверенна, а фактически?

Как наше «национальное сознание» реагирует на подобные факты? Одни его носители ничего об этом не знают и знать не хотят. Они считают – не без влияния либеральной идеологии и постмодернистских установок, – что их это не касается, поскольку в рыночных условиях каждый выживает в одиночку, а национальные

или коллективные ценности – это выдумки ретроградов (постмодернисты сказали бы – «симулякры»). Другие наживаются на униженном положении страны, считая, что то, что хорошо для них, хорошо и для России. Третьи по возможности протестуют, не имея, впрочем, никаких легальных способов воздействовать на политику руководства. В итоге национальное сознание мирится с подобными вещами.

Аналогично, на мой взгляд, дело обстоит и в бывших советских республиках, ныне суверенных государствах. Здесь также мы встречаемся с расхождением между официально провозглашенными принципами и фактически осуществляемыми мерами. Помоему, автор книги слишком доверчиво отнесся к специальным статьям, включенным в конституции государств Евросоюза, в соответствии с которыми получается, что «речь идет о доброй воле именно суверенного национального государства, действующего *в собственных интересах, уверенного, что речь идет о более эффективной защите своего суверенитета*» [Мнацаканян 2015: 174]. Боюсь, что в случае с новыми членами ЕС собственные интересы национального государства истолковываются так же, как и в случае с Россией: интересы правящей элиты выдаются за общенациональные. Наверняка в массовом сознании присутствовала надежда на то, что вступление в ЕС даст странам определенные преимущества в социально-экономическом и технологическом развитии. Что же получилось в действительности? Промышленные предприятия повсеместно закрываются, сельскохозяйственное производство жестко ограничивается в соответствии с политикой ЕС, работоспособное население, оставшись без работы, активно эмигрирует. Неужели все это в собственных интересах стран, в их национальных интересах? Похоже, к понятию «суверенитет» надо подходить не только конкретно-исторически, но и с классовых позиций.

Обращаясь к вопросу о нации, как он обсуждается в отечественной науке, профессор Мнацаканян резко критикует противоречивую позицию известного российского специалиста в области этнографии В. А. Тишкова, призывавшего в одной статье «забыть о нации», а теперь вернувшегося к понятию нации в связи с тем, что формулировка Конституции «многонациональный народ Российской Федерации», на его взгляд, устарела и теперь надо говорить

о «российской нации». Мнацаканян вскрывает постмодернистскую подоплеку позиции Тишкова, ее научную несостоятельность и политическую опасность, поскольку она ведет к сепаратизму.

Полностью разделяя критическое отношение автора книги к теоретическим построениям подобного рода, не могу не выразить удивления по поводу того, что автор, оказывается, не исключает самого термина «российская нация», как можно было подумать, а просто считает, что время «российской нации» еще не пришло и термин «многонациональный народ» пока не утратил своего значения для России. Мне представляется более последовательным допущение, согласно которому дальнейшее сближение народов России и углубление их взаимодействия могут привести к формированию новой исторической общности «российский народ» по аналогии с «советским народом», но не к созданию «российской нации». Формально вроде бы российский народ уже существует, коль скоро все мы являемся гражданами одного государства – Российской Федерации. Проблема, однако, не в форме, а в содержании. Насколько сегодня народы, населяющие Российскую Федерацию, представляют собой единое целое? Что их объединяет, помимо государственного устройства?

Обращаемся к определению советского народа, предложенного автором книги: «Понятие <советский народ> – это не просто общность жителей страны, а *новая социальная и интернациональная общность, цементирующая реально существующие социальные и национальные общности людей на базе расцвета и сближения социалистических наций, интернационализма и дружбы народов*» [Мнацаканян 2015: 293]. В приведенном определении, на мой взгляд, узловым является словосочетание «социалистические нации», напоминающее нам об общем деле, благодаря которому достигались расцвет и сближение наций: совместное строительство социализма, опирающееся на разделение труда и кооперацию внутри Советского Союза.

Сегодня приходится заново ставить вопрос об основе сближения всех этнических образований России. Какова эта основа: нефтяная или газовая труба, обслуживаемая представителями разных народов, или совместное разбазаривание природных богатств страны? Что мы совместно создаем? У меня нет ответа на этот во-

прос. Возможно, автор книги не считает поставленный вопрос существенным, поскольку опирается на разработанную им интегральную теорию наций, в соответствии с которой экономика не выделяется в качестве первостепенного фактора в образовании нации [Мнацаканян 2001]. Однако, согласно той же самой теории, пренебрегать хозяйственной жизнью тоже не следует. Характеризуя природу «национальной связи», автор подчеркивает, что ее создают «интегральность языка и культуры, территории и хозяйства, истории и современности, психологии и сознания, осуществляемые символическими проводниками взаимодействия...» [Там же: 52]. Если последовательно придерживаться такого представления о нации, подчеркивая язык и культуру, историю и психологию каждой из них, нет оснований говорить о единой «русской нации», поскольку все перечисленные факторы у каждого этноса свои. Что же касается единого русского народа, теоретически его образование возможно, но реальная перспектива туманна. Не вижу пока надежных скреп, с помощью которых поддерживалось бы единство. А чем связи слабее, тем вероятнее распад, как ни прискорбно это признавать.

Говоря о русской культуре, автор книги подчеркивает устойчивость ее традиций и связанную с ними ее жизнестойкость. Все это так. Только ныне приведен в действие своеобразный механизм подрыва русской культуры – вымирание ее носителей. Хотя для всей России положение с демографией далеко не идеально, русские вымирают особо быстрыми темпами. Как полагают российские реформаторы, вымершие «просто не вписались в рынок», значит, сами виноваты!

В более выгодном положении должен оказаться «креативный класс», существование которого, правда, автор книги ставит под сомнение: «...реальность или новое изобретение в духе постмодернизма?» [Его же 2015: 208]. И дальше показывает, как с помощью этого нововведения размывается представление о классовой структуре общества, тогда как креативность, то есть, как полагает автор, способность к умственному, особенно творческому, труду, может быть достоянием представителей любых классов, включая низший класс. «Здесь, – заявляет автор, – растут и набирают силу те группы, которые со временем станут ядром высшего класса: это талант-

ливая молодежь, представители научно-технической, информационно-технологической, финансово-экономической мысли; это представители науки, прежде всего востребованные, перспективные, высоко значимые сегодня, обеспечивающие научно-технический и технологический прогресс страны...» [Мнацаканян 2015: 214].

Не могла удержаться, чтобы не процитировать благостную картину, нарисованную автором книги в связи с креативностью. Так ли все хорошо на самом деле? Давайте разберемся.

Термин «креативный» сравнительно недавно вошел в наш научный обиход. Раньше его переводили на русский язык как «творческий». Теперь эти слова перестали быть взаимозаменяемыми. Дело в том, что «креативность» – это «творчество» в бихевиористской интерпретации, отличной от понимания творчества в отечественных психологических школах. Правда, в учебнике Ж. Годфруа «Что такое психология», изданном на русском языке в 1992 г., переводчики еще использовали словосочетание «творческое мышление» в качестве перевода иноязычного слова «креативность». Будучи представителем необихевиоризма, Годфруа характеризует творческие личности следующим образом: они «склонны образовывать новые комбинации из элементов, которые большинство людей знают и используют только определенным образом, или формировать связи между двумя элементами, не имеющими на первый взгляд ничего общего» [Годфруа 1992: 436]. Отсюда видно, что креативность представляет собой способность к мысленной перекombинации имеющихся элементов, тогда как творчество в отечественной психологии рассматривалось как деятельность **личности** (а не только мышления) по созданию чего-то принципиально нового. Необходимыми компонентами творчества признавались эмоционально-волевые характеристики личности, ее приверженность избранному делу, обеспечивающая безостановочность процесса даже после выполнения поставленной задачи. Тем самым творческий процесс выливается в саморазвитие личности.

Реформирование российской системы образования идет по пути насаждения креативности (яркие примеры тому – ЕГЭ, в высшей школе – компетентностный подход) и отказа от творческого отношения к процессу обучения, причем как со стороны обучающихся,

так и со стороны обучаемых. Достигается эта подмена путем формализации учебного процесса, его фрагментаризации, всемерного сокращения часов на получение фундаментальных знаний, переключения внимания с общей картины мира на частности, другими словами, в полном соответствии с постмодернистскими установками. «Креативность», то есть усеченная до примитива форма творчества, действительно задается всем слоям нашего общества, включая «низший класс», с помощью нынешней системы образования.

Что же, в таком случае, принято называть «креативным классом»? В России это социальная группа, сумевшая в условиях развала Советского Союза образовать такие новые комбинации из элементов распада, которые позволили ей занять господствующее положение в обществе. Креативность этой группы людей выразилась в том, что они не постеснялись присвоить себе то, чего сами не создавали, но из чего «образовали новые комбинации».

Можно ли согласиться с автором книги в том, что «низший класс» России является сегодня поставщиком креативности? Конечно, можно, только не творчества, а именно креативности в описанном выше смысле слова. Сомнение возникает по другому поводу: способны ли носители креативности какого бы то ни было класса обеспечить научно-технический прогресс России, как на то надеется автор книги? Как показывает практика, креативные представители всех общественных слоев предпочитают заниматься тем, что дает сиюминутную прибыль, то есть стараются перекомбинировать имеющееся, а не разрабатывать рискованные научные проекты, которые могут и не окупиться. Так что, в отличие от автора книги, не считаю, будто сегодня в России все социальные слои и группы принимают творческие решения. По-моему, полукOLONиальное положение страны к этому никак не располагает.

* * *

Завершая свои заметки, еще раз хочу подчеркнуть, что книга профессора Мнацаканяна, посвященная постмодернизму в социологии, очень своевременна. Благодаря ей восполняется недостающее звено в общей картине состояния умов в современном мире. И то, что книга побуждает к невеселым размышлениям о превратностях нашей жизни, к сопоставлению отдельных ее положений

с жизненным опытом читателя, – дополнительное свидетельство актуальности рассмотренной темы.

Литература

Годфруа Ж. Что такое психология: в 2 т. Т. 1. М. : Мир, 1992.

Мнацаканян М. О. Интегрализм и национальная общность. Новая этносоциологическая теория. М. : Анкил, 2001.

Мнацаканян М. О. Постмодернизм. Происхождение, природа и место в современной социологии: монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

Терин В. П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. 2-е изд., перераб. и доп. М. : МГИМО, 2000.